

ОТВЕТ

Я не участвую в войне,
война участвует во мне...

Юрий Левитанский

КАПИТОЛИНА

Везут в Германию
нас эшелонами,
Везут в Германию
нас помирать...

Яр бел – покров зимы суровой.
Не с той ноги встают дома,
Спускаясь к речке Васнецова
С капитолийского холма.

Капитолина ставит брашно.
Приняв навалочных гостей,
Поёт о прожитом так страшно,
Что пробирает до костей.

Я много страшных слышал песен,
Капитолининных – нигде.
Торчит застрявший в тучах месяц,
Как плуг по горло в борозде.

ПУШКИН

Помогите, Пушкин, окажите честь,
Нечем нам согреться, нечего поесть.
Мы из вашей книги выдерем страниц
(Голода вериги, холод плащаниц...),
Чтоб разжечь огонь нам, разогреть еду,
Ваше благородие, – клейкую бурду.
Свет Гвадалквивира, наша участь зла...
Слёзками Земфиры капает смола.

Такой шёл дождь, что и река успела вымокнуть
до нитки.

Кибиткой крытой ямщика ползла рогатая улитка
Палитрой радуги. Я ждал прибытья местного парома,
А с ним и старый самосвал с разбитых стёкол глаукомой.
Горбыль, который леспромхоз крестьянам продавал

по трёшке,
Тот самосвал усталый вёз. Водитель сплёвывал
в окошко –
Он знал один, как не застрять в огромных лужах
на дороге,

Не позволяя забывать ни о России, ни о Боге.
Теперь иные времена. Что сохранил я для народа
В душе? Она опьянена прокисшей брагою свободы.
Я лес и луг не узнаю – я потерял себя и близких,
Как будто партбилет в бою у переправы через Вислу.
Я тень упавшего креста полуразрушенной часовни,
Среди апостолов Христа я – виноватого виновней!
Я мусор, сброшенный в отвал нечеловеческих
страданий...

Но наконец-то самосвал меня довёз до бабы Мани.
Бутылка водки на столе, пирог, салфеткою укрывшись,
С одышкой борется... во мгле – сплошь фотокарточки
погибших.

Иконка, рядом муж, отец, пять сыновей... Я ухмыльнулся
И выпил водки (пей не пей – никто обратно
не вернулся).

Сказала тихо баба Мань: «За домом я твоим смотрела.
Деревня? Нет – тьмутаракань, до коей никому
нет дела».

Ключей взял связку я, багор – ответ в отсутствие
вопроса –
И ставню выломал, как вор, и нервно скомкал папиросу.

У магазина толчь. Дают
 Рис привозной, немного скуки,
 Хлеб, спички, водку... Водку пьют
 С руки и падают на руки
 Крестьяне – родина в очах.
 Дорога выгибает спину,
 Разбухнув, словно на дрожжах,
 До неба – до самого тына.
 Дед выбрал место посушей,
 Пол-литра выщедил в баклагу,
 Едва был вытолкан взашей
 (Ведь без медали «За отвагу»)
 Из магазина. Чуть хлебнул,
 Чтоб комары не заедали,
 И матом чёрствым помянул
 Судьбу потерянной медали.
 Ополоумевший плетень
 Зиял, как жерло, слепотою,
 Линкором накренился день,
 Запахло морем и грозюю.

ПРИВЫЧКА

Одна из любимых привычек –
 Подолгу стоять у окна:
 Деревня, дорога в кавычках
 Столбов телеграфных видна,
 Пастух, собирающий стадо,
 Узик, что ульем жужжит,
 Заполненная самосадом,
 В руке «козья ножка» дрожит.
 Откроется ветром калитка
 (Движеньем знакомой руки?) –
 Скатёркою жовто-блакитной¹
 В пшеничных полях васильки...

Уходим за Днепр. Обуглен
 Народной испариной брод,
 И рваные Божьи хоругви
 Влачит прикрывающий взвод
 Под небом, что жовто-блакитным
 Нам виделось в пору страды –
 Скулят в санитарной кибитке
 Бездомными псами браты².
 О Господи!.. Дойное стадо
 Пастух возвращает домой,
 Как мёртвую память из ада,
 Который зовётся войной.

Они, придя, торжествовали, глушили мутное вино.
 Луна шинелью на привале лежала, видима в окно.
 Пока вдова что было в печке на стол метала (были щи),
 В обличье недочеловечьем икали пьяные хлыщи.
 Один (скотина, не иначе) рванул на женщине испод
 И, оседлав её, как клячу, арийский вывалил живот...
 Детей (а в доме были дети) на холод, а по-русски – на...
 «Тридцатьчетвёркою» в кювете сгорала зимняя луна.
 Меня отец лупил за дело – запомнил чтобы до сопли,
 Кто вытащил Отчизны тело ещё живое из петли.

СОЛОМА

Глухую ночь провёл в соломе – осенний проливной каприз.
 Наутро объявился Роммель – пустынной пашни хитрый лис.
 Он всё высматривал в бинокль мышшей позиции в меже.
 Тащились грузно тучи-рохли, скрипя на каждом вираже.
 Детали боя, пораженья не вспомню – только белый флаг
 Луны, как будто подношенье дождю, убавившему шаг.
 Что снилось? Я в сырой траншее, армады «Тигров»
 и «Пантер»,

Вши, расцарапавшие шею, убитый ближний офицер...
 Ору: «За Родину, ребята!» И бесконечно длится бой...
 В соломе холодно и свято. А Роммель хвост поднял трубой.

ВЕДОМЫЕ НЕ БОГОМ

Вознаграждением за то, что дерзким был по воле Божьей –
 Донецк, и в зековском «пальто» слуга ваш с удивлённой
 рожей.

Мой Бог – в окопе. Их – нигде. Я знал похожие
 пространства:

Там Бога нет, а на звезде от крови чёрное убранство.
 Мы вспоминаем о былом, когда нет смысла в настоящем,
 Где смерть озвучена кайлом, где простыней обитый ящик.
 До скорых пуль мне дела нет, к ним привыкаешь,
 словно к осам

(Так я отцу привык обед колючим приносить покосом), –
 Перерождение души, её глухое превращенье
 В огонь, родящийся крушить и вымерзающий отмщеньем.
 Мечь провоцирует вражду, калечит всех без исключения –
 Она река в мирском аду, её незримое теченье
 Пределы точит... Коробок чей приплывёт быстрее в гавань,
 Где свет надежды волоок, где вербы восклицают «Аве
 Мария»?.. Надо проползти под толщей мёртвого бетона,
 И воздух так зажат в груди, как сыновья Лаокоона
 Зажаты змеями... Хлопки, низколетающие трассёры...
 На расстоянии руки следы от выбитого дёрна.
 ...В колючих лаврах лагерей идём отцовою дорогой,
 Не видя слёзы матерей, ведомые, увы, не Богом.

¹ Жёлто-голубой (укр.).

² Братья (укр.).

МИТРИЧ

Горе, Митрич! (Гойко Митич гонким эхом по дворам –
От степей донских до вычегд – воля прошеным слезам!)
Похоронкою воронка, луч зари на водоём,
Жила лопнула, как донка, заведённая в Мальстрём.
Межудельное соседство, Митрич, – проще говоря,
Передай мне по наследству навик деда Щукаря!
В голубых клубах махорки рыбий бог сидит на пне:
«Больно ты, Серёжка, скоркий – на войне как на войне».
Митрич сплюнул, сделав вычет в стае тучного леща...
Звонким эхом «Гойко Митич!..» между зарослей хвоща.

ЖИВОПИСЬ

Взялись мы за белое дело, примкнули к винтовкам штыки.
Россия на это смотрела сквозь пальцы крестьянской руки.
Разгромлены, в драном исподнем сидим у глубокого рва,
Насилуя слово Господне, не помня другие слова...

Закат необлачных тонов, сарая дырчатая крыша:
Из всех увиденных мной снов, последний Господом услышан.

Взялись мы за красное дело, тачанкой вспахали поля.
Россия на это смотрела, как смотрит на небо земля.
Ломали уездную церковь, сгоняли скотину в колхоз.
И, глядя, как родина меркнет, над ней потешались всерьёз.

Восход уныл и безобразен, голодоморная весна:
Из всех рассказанных мной басен одна особенно красна.

Взялись мы за грязное дело, сплели красно-белый венец.
Россия на это смотрела, как смотрит на сына отец –
На сына, который нагулян по лавочке пьяной... И всё ж –
Сражённый отцовскою пулей, он очень на сына похож.

На гвозди матовые звёзд развесил Бог свои картины:
«Распятие сына», «Холокост» и, странно, «Воскресенье сына».

БОЛИГОЛОВ

Жара палит который день – до лоска выгорела местность,
Вода, как выдавленный клей из тюбика глухого леса,
Тягуча, липкая на вид, в ней пацаны угрями выются,
Не прикрывающие стыд, затем на пляже, как на блюде
Плоды садовые, лежат – темны (трусов не напасёшься).
Не возвращаются с войны отцы, хоть ждёшь их не дождёшься...
Мы – городские. Сенокос для нас – любимейшее дело:
Спустились бабы под откос, где притаились мы, пострелы,
Как жабы, выпучив глаза, сопя в кустах неподалёку,
Не понимая ни аза, но различая подоплёку
Чего-то тайного... Мальцы! Ещё не выросли «женилки».
Не возвращаются отцы – ни с пахоты, ни с лесопилки...
В деревне семьдесят дворов – на обелиске сто фамилий.
Жара. Трава болиголов на братской вырастет могиле.

КИРЗАЧИ

Я видел, как любят. Я видел, как ждут.
Я видел, как время свивается в жгут.
Как падает наземь убитый солдат,
От горя от горького вдовы скулят.

Я видел. Я знаю сто раз и стократ,
Как тлеет воронки краями закат,
Как снег кровеносный сползает к реке
И рваное знамя сгорает в руке.

Я видел победу и день похорон,
Как плавится в небе озон и аргон,
Как пуля лепечет, шипит горячо,
Кромсая предплечье, ломая плечо.

...Изба возле озера, яблони тень,
Шатается старый, как пьяный, плетень,
Постылые грядки терзает жена –
Бездонное озеро, сердце без дна...

Помочь бы родной, но хоть криком кричи,
Без ног в огород не пойдут кирзачи.

ЗАВОЛОЧЬ

Налил из фляги, выпил, отдохнул,
Облюбовав посуше бугорок.
На смятом грунте непобритых скул
Слеза произросла наискосок.
Её смахнув, добавил по второй
И, трудно напирая на костыль,
Поковылял дорогой дорогой,
Превозмогая заволочь и пыль.
Никто не повстречался у плетня
И не воскликнул: «Господи, прости!...».

И сельская смешная ребятня
Не предложила сумку поднести.
Под сводами знакомых с детства мест
Холодная повисла тишина...
Подумал, теребя нательный крест:
«Досадно, что закончилась война
Афганская... Когда бы так пришёл
Отец с Отечественной – лучше пулю в лоб».
И бросил ордена свои на стол,
Как землю чужестранную на гроб.

БЛОКАДА

Ночь тяжеловесна, полночь тяжела,
Дождь идёт отвесно, как стоит скала.
Мостики да пристань, тополь у реки,
Словно старый пристав, свищут сквозняки.
Звёздные лампадки, пенная волна,
Выступом лопатки полая луна.
Шумно плёс клокочет, будто нет войны, –
Под бинтами ночи раны не видны.
Разверни гармошку, разбери басы
Лунною дорожкой лесополосы,
Поиграй о мёртвых или ни о чём...
В дорогой обложке яшень – золочён.
Ливня бесконечность, слёзы на лице...
Смерть ещё не вечность – Ленинград в кольце.
В полынье от бомбы тонет грузовик –
Хочется не помнить тот последний крик.
Холмики шеломов – братская гора.
Горечь и оскома завтра и вчера...
Крысы-людоедки по углам дворов,
Чёрный труп соседки, как вязанка дров.
Бог эвакуации (милиционер)
Да солдаты-братцы, равенства пример,
Подсадили в поезд часть семьи моей –
Завершилась повесть окаянных дней.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Я выпил масло из лампы, такой был голод. День за днём:
Звезды обугленной глissада ¹, скрипящие деревья сада,
Тоской объятый водоём.
Река отказывалась напрочь кормить молокой – лёд и снег.
Пузырь, соломинка и лапоть – не получился человек.
Весна. Дожил до половодья. Над огородом грач и дым.
Поля заполнились народом – и похудевшим, и худым.
На запах прелого остожья ² приходит рыба, свет и Бог...
Воспринимаю бездорожье как начинание дорог.
Июль. Подсолнух златоустен, духмяны травны лог и луг.
Я дочь свою нашёл в капусте и свет не выпустил из рук.

¹ Глissада (*фр. glissade* – «скольжение») – траектория полёта самолёта под определённым углом к поверхности при заходе на посадку.

² Остожье – место для стога или место, где он был.